

УДК 394.9

МАЗАЛОВА Наталия Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии восточных славян и народов Европейской России Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (Санкт-Петербург). Автор 150 научных публикаций, в т. ч. трех монографий

«ЗНАЮЩИЕ» КЕНОЗЕРА: МАГИЧЕСКАЯ СИЛА И «ТАЙНОЕ» ЗНАНИЕ

Несмотря на давнюю историю изучения, исследование русских ритуальных специалистов («знающих») и их магической деятельности нуждается в дальнейшем развитии в контексте современных направлений отечественной и мировой науки. Цель настоящего исследования – изучение народных представлений о «знающих», их магической силе и сакральном знании в локальной этнокультурной традиции Кенозера. Реализация исследовательских задач была достигнута благодаря использованию полевых материалов автора данной статьи, датируемых 1991 годом. Основными методами, используемыми в работе, являются: структурно-семантический, применение которого позволяет обнаружить этнографический субстрат мифологических представлений, а также сравнительный, позволяющий определить место локальной традиции Кенозера в общерусской. Исследованы народные представления, бытующие среди населения Кенозера, проведено их сравнение с общерусскими. Рассмотрена дифференциация ритуальных специалистов.

Автор различает понятия «магическая сила» и «тайное знание». Магическая сила колдуна сконцентрирована в его помощниках. «Тайное» знание – это прежде всего знание заговоров и магических приемов, для колдунов оно также заключено в способности управлять помощниками. Магической силой наделены и заговоры, которыми владеют все ритуальные специалисты. Благодаря обладанию магической силой и сакральным знанием «знающие» выполняли социальный заказ – осуществляли контакты с миром природы. Уникальность традиции Кенозера заключается в том, что помощниками колдунов являются не только черти, но и духи природы – леший, водяной. По мнению автора, при дифференциации ритуальных специалистов чрезвычайно важно, где находится его помощник – в мире людей или в мире природы.

Изучение народных представлений о «знающих» на Кенозере позволило выявить специфику мифологических представлений, характерных для исследуемой локальной этнокультурной традиции, а также определить ее как достаточно архаическую.

Ключевые слова: *ритуальный специалист, колдун, ворожей, знахарь, магическая сила, сакральное знание.*

Ритуальные специалисты не раз становились предметом исследования в науке, в т. ч. и в последние десятилетия в России [1–5]. Вместе с тем в русской этнологии до сих пор недостаточно изучены представления русских о магической силе и сакральном знании. Статья посвящена рассмотрению этих вопросов на примере локальной традиции Кенозера.

Кенозеро – известное в отечественной фольклористике место: там работали А.Ф. Гильфердинг, П.Н. Рыбников и др., в наши дни это территория Кенозерского национального парка, где создается музей эпоса. Кенозеро обладает высоким сакральным статусом. У населения Кенозерья до настоящего времени сохраняется самосознание локальной группы («мы – кенозера»), а также принадлежности к региону («Я не руська, а архангельска»)¹. В начале 90-х годов мы столкнулись с достаточно хорошо сохранившейся духовной традицией, имеющей свою специфику. Это, в частности, относится и к представлениям, связанным с ритуальными специалистами.

Ритуальных специалистов во многих русских локальных традициях, в т. ч. кенозерской, называют «знающими». «Знающим» в традиционном русском обществе считали человека, который обладал комплексом тайных знаний, мог узнавать сокровище от других (ворожить, предсказывать будущее), привораживать и отвораживать, напускать порчу и другие болезни, а также лечить их. К категории «знающих» принадлежат колдуны, знахари и некоторые другие специалисты-неземледельцы – пастухи, коновалы, охотники, кузнецы и др., этих специалистов в русской традиции считают колдунами.

Ритуальные специалисты Кенозера имеют следующие наименования: по обладанию «тайным» знанием – *знать, знающий, знаток, ворожилка, колдун*, кроме того, их называют по функциям – *ворожиться, делать*; также по возрасту – *старушка, бабушка, старичок* и др.

В отечественной научной литературе существуют разные классификации ритуальных специалистов [3, с. 8–27]. Наиболее распространенной является классификация «знающих» в зависимости от направленности их деятельности – на добро и на зло, но, как уже не раз отмечалось, на русском материале она не всегда работает, поскольку многие ритуальные специалисты «знают» и на добро, и на зло.

Представляется, что ритуальные специалисты различаются по степени обладания магической силой и «тайным» (сакральным) знанием. Эти два понятия следует различать, хотя они неразрывно связаны [4, с. 9–25]. Один из возможных способов дифференциации ритуальных специалистов – по локализации магической силы: во внешнем («своем» или «чужом») мире или в теле «знающего»; а также по характеру отношений «знающего» и его помощников.

В традиции Кенозера самыми сильными ритуальными специалистами считаются колдуны, прошедшие обряд посвящения, после которого они получают «тайное» (сакральное) знание и помощников, в которых заключена их магическая сила.

Дифференциация понятий «магическая сила» и «тайное знание» достаточно хорошо прослеживается на примере колдуна. Колдун получает магическую силу и «тайное» знание во время прохождения обряда инициации. Так, один из вариантов обряда инициации, зафиксированный на Кенозере, заключался в том, что неопит должен был проглотить хтоническое животное: «Колдун поведет тебя в байну на зари, он попросит, она выскочит, скакуха (лягушка. – *Н. М.*), эту скакуху нужно проглотить в себя, это не скакуха – это нечистый»². То есть магическая сила в виде мифологического животного внедряется в организм человека и становится частью его организма. Кроме того, здесь под влиянием христианства происходит переосмысление образа мифологического персонажа:

¹ Полевые материалы автора. Архив Музея и антропологии РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 1707. Л. 40. Плесецкий р-н Архангельской обл. 1991 г. Мазалова Н.Е.

² Там же. Л. 35.

животное воспринимается как нечистый дух. У славян бесплодная женщина должна была проглотить лягушку, чтобы забеременеть и родить ребенка [6, с. 115–116]. Получение сакрального знания и магической силы ассоциируется с беременностью и родами.

Ритуальное поглощение хтонического животного можно также сравнить с внедрением мифологического персонажа – *икоты* – в тело жертвы, отголоски этих представлений сохранились у кенозер: «это называют, что икота – нечистая сила, это какой-то портеж. У них тяга, человека так и ломат, она на пол паде и покатается, ее часа два мучит, а потом она спокойно лежит, только пена идет из рта»³.

После прохождения обряда инициации неопит получал помощников, обычно – чертей, в которых заключается его магическая сила и «тайное» знание, которое прежде всего проявляется в способности колдуна управлять помощниками [4, с. 15].

По поверьям кенозер, колдун считается хозяином помощников, они беспрекословно выполняют его приказания. Вместе с тем колдун – раб своих помощников: они заставляют колдуна постоянно причинять вред, даже самым близким людям. Так, колдун зарезает собственную дочь в уверенности, что зарезал овцу: «Его черти подтолкнули, он увидел, что овцу зарезал»⁴.

Помощники колдуна – черти – локализованы в реальном мире людей, они невидимы для непосвященных, находятся, как правило, вне жилых помещений, например в коридоре. Нередко в описаниях кенозер действия, которые выполняют помощники, носят демонстративный характер, цель этих действий – показать силу колдуна. Так, например, колдун-охотник заставляет ходить деревянный стол без гвоздей:

«Стол ходит, прямо до порога дойдет. Так ноги и сгибаются. Он чертей вызовет, они его и носят. Опять сходит в коридор. Что-то поделает, чертям откажет, стол на место»⁵.

Колдун должен был передать помощников-чертей при жизни. В противном случае они внедрялись в его тело и мучали его: «Колдуны трудно умирают, силу от них не все забирают»⁶.

После смерти черти-помощники пытаются покинуть могилу колдуна и отправиться на поиски нового хозяина; чтобы этого не произошло, по поверьям кенозер, в гроб колдуна следует класть палку из ольхи. Мифологические персонажи – помощники – обладают весом; тела колдунов после смерти приобретают дополнительный вес: во время похорон колдуньи «лодка стала тонуть, когда гроб поставили»⁷.

Некоторые обрядовые акции колдун проводит без помощников, благодаря обладанию «тайным» знанием, например обряды наведения свадебной порчи. Свадьба содержит чрезвычайно архаические элементы, утратившие смысл для носителей традиции. В прошлом колдун являлся знатоком и руководителем проведения свадебного обряда, в результате которого юноша и девушка становились собственно людьми – членами социума – и могли выполнять важнейшую функцию – продолжение рода [4, с. 132].

Сакральное знание колдун использует для того, чтобы ввести жениха и невесту в лиминальное состояние, в частности, лишая их способности передвигаться: «В свадьбу испортит, может на ноги, не заможешь ходить. Если портеж сожгут, то уж не наладить, никакому колдуну не отделать: “У тебя спорчено, сожгано”»⁸.

Чаще всего свадебная порча заключалась в том, что колдун делал жениха неспособным к соитию в первую свадебную ночь. У кенозер

³ Полевые материалы... Л. 93

⁴ Там же. Л. 19.

⁵ Там же. Л. 20.

⁶ Там же. Л. 22.

⁷ Там же. Л. 26.

⁸ Там же. Л. 27.

эта обрядовая акция называлась «отнять пояс» у жениха: «Так встанет, а на девушку залезет – падет»⁹. Для восстановления сексуальной потенции жениха обращаются либо к колдуну, который навел порчу, либо к другому ритуальному специалисту: «Свадьбы колдуют. У одних свадьба была. Сыну колдуна девчонка нравилась, другой перебил. Специально (колдун. – *Н. М.*) пришел на свадьбу: “Иди-ко, Ваня, покури моей махорки”. Он его закурил, он его спортил. Спать легли, на следующий день невеселый, на ее не смотрит <...> Он не сожгал. В другой деревне был колдун – отделал»¹⁰. Представляется, что эти поверья восходят к архаическим представлениям об опасности невесты для жениха в первую брачную ночь, а действия колдуна по ее нейтрализации стали восприниматься как свадебная порча [4, с. 127].

Отличительная особенность традиции кенозер заключается в том, что у колдунов может быть одновременно несколько помощников: не только черти, но духи природы – леший, водяной. Отметим, что прежде всего это относится к коновалам, охотникам, мельникам, пастухам и другим специалистам-неземледельцам, которые по роду своей деятельности связаны с природой, обладают специализированными профессиональными знаниями и слышат колдунами: «Разно говорят: кто как сдават, иные знают на воды, с водяным знают, с лесовым знают, которые в лесу ходят...»¹¹. По представлениям кенозер, это самые сильные «знающие».

Одна из форм посвящения такого ритуально-специалиста заключается в следующем: чтобы знать все – «лесово» и «водно» – человек должен

поцеловать хтоническое животное – лягушку: «Целуют лягуху, если хочешь знать все, я голой не могла (поцеловать лягушку. – *Н. М.*), через платок»¹²; «Если все знать, и лесово, и водно, надо в бане скокуху поцеловать, голу <...> а ежели скрозь платок, то половину – на земле, на воде»¹³.

В славянской традиции поцелуй рассматривается как форма кормления (ср. описанное проглатывание хтонического животного) и ассоциируется с такими формами установления искусственного родства, как смешение крови или слюны. Он устойчиво встречается в тех обрядовых ситуациях, которые связаны с закреплением родственных отношений – во время бракосочетания, при кумлени и братании [7, с. 50]. Представляется, что в этот ряд можно добавить и описанный обряд посвящения «знающего», только здесь целуют животное, и благодаря этому неопит получает «тайные» знания, причем прямой контакт с мифологическим персонажем приводил к получению большего уровня знания по сравнению с опосредованными.

Так, у мельника Мыза, который считался сильным колдуном, были разные помощники. Главными из них были черти: «Мимо ехали, а он обиделся. Кони распряглись, он за двери вышел, плюнул»¹⁴; «... Черти уж собрались его <...> пойдем подшутить, да вышел на воды, и кони распряглись, видно, под собой нечистая сила»¹⁵. Он также вступал в контакт с водяным: при строительстве мельницы «он так водяному сказал, что мельницу понесло»¹⁶. В качестве помощника, выполняющего его распоряжения, также выступает леший: «Лешому отводил веревку вить из песка и тянуть»¹⁷. В русской традиции этот мотив

⁹ Полевые материалы... Л. 27.

¹⁰ Там же. Л. 27.

¹¹ Там же. Л. 23.

¹² Там же. Л. 25.

¹³ Там же. Л. 37–38.

¹⁴ Там же. Л. 36–37.

¹⁵ Там же. Л. 47.

¹⁶ Там же. Л. 37.

¹⁷ Там же. Л. 16.

связан с чертями, которые постоянно требуют от колдуна работы. Некоторые обрядовые действия Мыза проводил без помощников. Знание магических приемов позволяло ему определить виновника болезни и наказать его: «Мыза был, в воды покажет, кто (изображение колдуна. – Н. М.). В воду ткни, и глаз выколешь»¹⁸.

Уровень «тайного» знания ритуального специалиста определяют его отношения с лешим: «Ежели она знающая, то он ей подчиняется». У сильного «знающего» леший находится в беспрекословном подчинении: «Дядюшка рассказывал, его отец коневалил, в Каргополь шли. Шли назад: “Андрюшка, показать тебе лешего?” Сперва побоялся, потом с отцом же: “Покажи”. Ветер поднялся. Леший выходит, гораздно высокий, выше лесу. Дядюшка скомандовал: “Меньше” <...> Отец лешему сказал: “Мне не время”. Меня как ветром смахнуло»¹⁹. Отметим, что обычно леший целиком подвластен «знающему»-мужчине.

Следует отметить, что леший – грозный властитель леса, у кенозер существовали его табуированные названия: «“Подьте к огню”, нельзя лешего называть, так называется»²⁰. В русской традиции магическая сила колдуна ассоциируется с огнем. Это универсальное представление встречается у многих народов мира.

Еще одна категория ритуальных специалистов, более слабых в сравнении с колдунами, – ворожей – наделена способностью вступать в контакт с духами природы, выполняя, по сути, единственную функцию выведывания; они «специализируются на ворожке как на гадании с целью узнать прошлое или будущее, открыть источник несчастий, порчи, потерь» [8, с. 120]. Основными функциями кенозерских ворожей были поиски пропавшего человека или животного, узнавание будущего и др.

Способность ворожить приобреталась после передачи «тайного» знания – заговоров и магических приемов, благодаря которым можно было общаться с лешим. Один из способов передачи таких заговоров у кенозер заключался в следующем: неопит должен сидеть на коленях у передающего, причем следовало неукоснительно выполнять такое предписание – старый специалист должен быть достаточно здоровым: «Здоровому надо передавать <...> Не могу теперь сдать (ворожея была тяжело больна. – Н. М.). Мне надо сдавать, мне надо сижка сидеть, и чтоб он ногами стоял <...> чтоб он сидел у ее на коленях. И вот она <...> будет ему слова говорить, она выучит <...> Надо с лешим знаться»²¹.

Этот обряд передачи слов напоминает родильный: в случае трудных родов роженица должна была сидеть на коленях у мужа. Как уже говорилось, исследователи связывали рождение и знание: «рождение и есть одна из форм знания» [9, с. 74]. Представляется, что и в родильном обряде, и в обряде получения тайного знания телесный контакт означает воссоздание ситуации зачатия: мужчина передает женщине семя, а знающий неопиту – заговоры, чтобы вызвать рождение ребенка или передать знания слов. В обряде передачи знания слова «проходят» через тело неопита и становятся его частью.

Ворожка вступает в контакт с лешим, отправляясь в лес: «Она на росстани сходит, слова положит»²². К ней выходит леший, и ворожея вступает с ним в диалог: «Овца пропадает, леший закроет. Утром на заре или вечером она (ворожка. – Н. М.) его вызывает. Он грубым голосом: “Какой масти?”. Он скажет: “За мной есть, будет в таком-то месте”»²³. Ответ лешего может быть отрицательным: – Она с лесовым

¹⁸ Полевые материалы... Л. 37.

¹⁹ Там же. Л. 37.

²⁰ Там же. Л. 7.

²¹ Там же. Л. 24.

²² Там же. Л. 23.

²³ Там же. Л. 18.

зналась, дак она и спросила у него, он ей ответил, она мне назавтра: «Зря мы потревожили, Аганюшка, лесового, у него, говорит, нету. Он сказал: “За мной нету, овца взята руками”»²⁴.

Ворожея может составить программу действий для матери пропавшего ребенка или хозяина пропавшего животного, дать ему наговоренные предметы, и тот сам отправляется в лес: «Щепки дала: “Крест накрест на ростань кресты положь, иди домой, не обвертывайся, кто встретится, иди, не отвечай, прямо домой”. Вдруг тракторист бежит: “Вот твой бык стоит”»²⁵; «Она (ворожка. – *Н. М.*) дает узелок <...> я с этим узелком <...> узелок бросила через левое плечо, на багот села как на лошадь, только узелок бросила и пошла, как пошел ветер, как до креста дошла, ветер стихал. Домой дошла, на улице как дождит. Овца пришла, дождит, а овца сухая»²⁶.

Человек должен неукоснительно выполнять предписания ворожей и не нарушать запреты, связанные с контактом с лешим: не оборачиваться на обратном пути, не разговаривать ни с кем, подходя к дому, иначе обряд нахождения животного или человека не будет эффективным.

Отношения ворожей с лешим основаны на договорных отношениях – обмене: либо они сами, либо потерпевший относят ему дар – *золотинку* (нитку из золототканого шитья), яйца, хлеб; особенно ценным даром считалась красная рубаха, она также использовалась пастухом в обряде отпуска скота как жертва лешему.

Во время визита к лешему у ворожеи нет зрительного контакта с лешим: «Лесовой закрыт – ворожейка его не видит»²⁷. Отметим, что колдун – более сильный ритуальный специалист –

видит своих помощников. Также видит лешего и проклятый ребенок, которого он «водит». По народным представлениям, ребенок не утратил связь с природой.

Ворожки в отличие от колдунов испытывают к лешему почтительное, боязливое отношение; здоровье и физическая сила необходимы им для того, чтобы избежать опасности, связанной с контактом с ним: «Колдуньи – глаза надо хорошие, и ноги хорошие, страсть покажется, чтобы убежать»²⁸.

Леший подчиняется только тому «знающему», который сохраняет физические силы, показателем которых является наличие зубов: «Была старушка на Поче, звали Парасковья. Она стала вызывать (лешего. – *Н. М.*). Пришел военным: “Уйди, бабка, у тебя зубы нет”»²⁹. Человек, утративший физическую силу (зубы, зрение), не мог отправлять магические практики, они оказывались неэффективными: «Ни зуба во рте, ни глаза во лбе, так ничего не пристанет, никакое колдовство»³⁰.

Иногда ворожки умели не только ворожить, но и обладали и другими видами «тайного» знания: любовной (приворотами и отворотами) и лечебной магией.

Кенозерский ритуальный специалист (колдун и ворожей) напоминает жрецов в других этнических культурах, которые выполняют социальный заказ, осуществляя необходимые для общества контакты с потусторонним миром.

Помощником «знающей» мог быть домовый, который предсказывает события, происшедшие или происходящие с членами одного рода: «Тетка умела с домовым разговаривать, двери откроет: “Расскажи, придет ли мой сын”. – “Придет. А второго – не жди, не придет.

²⁴ Полевые материалы... Л. 52.

²⁵ Там же. Л. 27.

²⁶ Там же. Л. 36.

²⁷ Там же. Л. 18.

²⁸ Там же. Л. 59.

²⁹ Там же. Л. 37.

³⁰ Там же. Л. 43.

Еще раз вызовешь, сама жива не будешь»³¹. Отношения «знающей» с домовым основаны на его приоритете. Отметим, что домовый-помощник – достаточно редкое поверье в русской традиции.

В конце жизни «знающие» должны передать заговоры, используемые с целью вступления в контакт с лешим и домовым: «Надо слова передать, а то мучает нечистая сила, с этими словами долго не умирают»³².

И хотя, казалось бы, ворожки делали «на добро», удовлетворяли потребности социума, вступая в контакт с духами природы, осуществляли поиск пропавшего человека или животного, отношение крестьян к ним настроенное, сходное с отношением к колдунам. Вероятно, под влиянием христианских представлений контакт с потусторонним миром делает людей «нечистыми».

Магическая сила знахаря заключается в силе *слов* (заговоров), которыми он владеет. Роль заговоров заключается в том, что они основаны на сакральном знании: заговор – это «слово-речь, несущее и хранящее то знание, которое признается священным, и в силу именно этого становится действенным. Этот процесс говорения-деяния и его результат слово-дело составляют самое основу заговора, его суть» [9, с. 13]. Любое из состояний человека (здоровье, сила, благополучие и т. п.) может быть нарушено и повреждено. В этом случае прибегают к заговору, которому присуща «установка на положительный смысл мира и человека»: «Выстраивая упорядоченные структуры элементов макро- и микрокосмоса, заговор как бы стремится эту накопленную “благую” инерцию передать и страждущему, чтобы помочь ему» [9, с. 11].

Слова в традиции кенозер, как и во всей русской традиции, воспринимаются как нечто материализованное. Если слова произносятся у печи, то закрывают трубу, в противном случае

«слова могут улететь» и не попасть в воду или пищу, а затем – в тело больного.

Попадая в тело больного через естественные отверстия, слова в крови вступают «в борьбу» с локализованными там болезнями. Если заговоры обладают достаточной магической силой, они «побеждают» болезнь и изгоняют ее из тела человека во внешний мир. Знахарка произносит заговорную формулу: «Откуль пришло – туда и пойд...». Знахарь осуществляет контакт с миром природы, изгоняя болезнь в «иной мир», в частности, – к лешему, водяному, которые могли наслать болезнь на человека. Распространенная формула отсылки болезни в кенозерских лечебных заговорах следующая: «От лесового пришло – на лесового пойд, от водяного пришло – на водяного пойд».

Если за словами приходил не сам больной, а кто-либо из его близких, то, возвращаясь домой, он не должен нарушать определенные запреты. По дороге нельзя ни с кем разговаривать. Существует запрет переносить слова через реку – «их смое вода», и лечение не будет эффективным: «Через речку переезжаешь, то не впрок³³. Невыполнение этих требований приводит к тому, что слова «теряются» и лечение больного оказывается неэффективным.

«Знающие» обладают заговорами, наделенными разной силой. У хороших знахарок «слова хорошие», «слова хорошо пристають», т. е. слова воспринимаются как нечто внешнее по отношению к человеку, *приставать* – означает *прикрепляться, плотно прилегая, прилипнуть*.

Определение эффективности лечения заговорами связано с представлениями, связанными с важнейшей субстанцией человеческого тела – кровью. Например, лечение заговорами будет успешным лишь в том случае, если у больного и знахаря одинаковая кровь (белая или черная). По народным представлениям, слова локализируются в крови – знахаря и пациента, при этом существует поверье о совместимости/несовме-

³¹ Полевые материалы... Л. 46.

³² Там же. Л. 46.

³³ Там же. Л. 75.

стимости знахарки и пациента по крови: у светловолосых людей с белой кожей – «белая кровь», у темноволосых со смуглой кожей – «черная». Лечить больного с белой кровью может знахарка с такой же кровью и наоборот, а больного с черной кровью не может вылечить знахарка с белой кровью – «не по крови». Так, знахарка не может вылечить ребенка, если «не по крови пришлось», в этом случае приглашали другого «знающего»: «Иногда бабушку Шуру Кухтину позовут, так ребенок доревелся, почернел. Меня позвали, я поделала, вымыла. Пойди благословясь. Тетка Шура – не по крови пришлось. Надо было перемывать»³⁴.

У кенозер зафиксировано множество предписаний и запретов, связанных с лечением заговорами. Так, передавать *слова* можно только человеку, младшему по возрасту. Еще один запрет, связанный с передачей заговоров, – «записывать нельзя, только запоминать» – основан на представлении о том, что заговоры должны стать принадлежностью человеческого тела, а не быть зафиксированы материально.

Лечить знахарка может до тех пор, пока у нее есть зубы; у знахарки, потерявшей зубы, «слова не пристаю», т. е. оказывается неэффективным лечение заговорами. Это поверье основано на представлениях о связи магической силы и жизненной.

У кенозер существует представление о том, что сила, которой обладают заговоры, мешает

знахарю умереть («тяжело умирать будет»), поэтому он обязательно перед смертью должен «сдать» заговоры. Представляется, что это поверье основано на том, что «знающий» является вместилищем магической силы: «Волшебная сила может сосредоточиваться в гортани, где размещается разум, и оттуда изливается через голос, главный орган человеческой души. Таким образом, магия не только является существенным достоянием человека, но и буквально находится внутри человека в любой момент его жизни, а также может передаваться только от человека к человеку по строгим правилам посвящения в таинство, наследования и инструкции» [10, с. 27].

Этнокультурная традиция кенозер на протяжении почти всего XX века носила архаический характер, ее отличает пантеизм, представления о неразрывной связи человека с природой. Особенно сильно связаны с ней «знающие». «Знающие» Кенозера отправляются в мир природы для того, чтобы вступать в контакт с мифологическими персонажами – лешими, водяными – так же, как шаман отправляется к духам на поиски искомой ценности [11, с. 423]. Ритуальные специалисты Кенозера благодаря обладанию магической силой и «тайным» знанием удовлетворяли потребность деревенского социума в периодических контактах с природой, необходимых для его нормального существования.

Список литературы

1. *Виноградова Л.Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.
2. *Добровольская В.Е.* Народные представления о колдунах в сказочной прозе // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре. М., 2001. С. 95–105.
3. *Криничная Н.А.* Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. Т. 2. Былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями. Петрозаводск, 2000.
4. *Мазалова Н.Е.* Этнографические аспекты изучения личности «знающего». СПб., 2011.
5. *Щепанская Т.Б.* Сила (коммуникативные и репродуктивные аспекты мужской магии) // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре. М., 2001. С. 71–94.
6. *Баранов Д.А., Мадлевская Е.Л.* Образ лягушки в вышивке и мифопоэтических представлениях восточных славян // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России: сб. МАЭ. СПб., 1999. Т. XLVII. С. 115–130.

³⁴ Полевые материалы... Л. 34.

7. Байбурин А., Топорков А. У истоков этикета. Этнографические очерки. Ленинград, 1990.
8. Власова М. Энциклопедия русских суеверий. СПб., 2008.
9. Топоров В.Н. Об одной индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) // Исследования в области балто-славянской культуры: Заговор. М., 1993.
10. Малиновский Б. Магия, наука и религия. М., 1998.
11. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

References

1. Vinogradova L.N. *Narodnaya demonologiya i mifo-ritual'naya traditsiya slavyan* [Folk Demonology and Myth-Ritual Tradition of the Slavs]. Moscow, 2000.
2. Dobrovolskaya V.E. *Narodnye predstavleniya o koldunakh v neskazochnoy proze* [Traditional Ideas About Wizards in Non-Fairytales Prose]. *Muzhskoy sbornik. Vyp. 1. Muzhchina v traditsionnoy kul'ture* [Male Collection. Vol. 1. Man in Traditional Culture]. Moscow, 2001, pp. 95–105.
3. Krinichnaya N.A. *Russkaya narodnaya mifologicheskaya proza. Istochniki i polisemantizm obrazov. T. 2. Bylichki, byval'shchiny, legendy, pover'ya o lyudyakh, obladayushchikh magicheskimi sposobnostyami* [Russian Folk Mythological Prose: Sources and Polysemantic Images. Vol. 1 Stories About Meeting Evil Spirits, True Stories, Legends, Beliefs About People with Magical Powers]. Petrozavodsk, 2000.
4. Mazalova N.E. *Etnograficheskie aspekty izucheniya lichnosti "znayushchego"* [Ethnographic Aspects of Studying the Personality of "the Knowledgeable"]. St. Petersburg, 2011.
5. Shechepanskaya T.B. *Sila (kommunikativnye i reproduktivnye aspekty muzhskoy magii)* [Powers (Communicative and Reproductive Aspects of Male Magic)]. *Muzhskoy sbornik. Vyp. 1. Muzhchina v traditsionnoy kul'ture* [Male Collection. Vol. 1. Man in Traditional Culture]. Moscow, 2001, pp. 71–94.
6. Baranov D.A., Madlevskaya E.L. *Obraz lyagushki v vyshivke i mifopieticheskikh predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [The Image of a Frog in Embroidery and Myth-Poetic Beliefs of the East Slavs]. *Zhenshchina i veshchestvennyy mir kul'tury u narodov Evropy i Rossii: sb. MAE* [Woman and the Real Cultural World of the Peoples in Europe and Russia: Collected Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. XLVII. Pp. 115–130.
7. Bayburin A., Toporkov A. *U istokov etiketa. Etnograficheskie ocherki* [At the Root of Etiquette. Ethnographic Essays]. Leningrad, 1990.
8. Vlasova M. *Entsiklopediya russkikh sueveriy* [Encyclopedia of Russian Superstitions]. St. Petersburg, 2008.
9. Toporov V.N. *Ob odnoy indoevropeskoy zagovornoj traditsii (izbrannye glavy)* [On One Indo-European Tradition of Spells (Selected Chapters)]. *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy kul'tury: Zagovor* [Research in the Balto-Slavic Culture: Spells]. Moscow, 1993.
10. Malinovskiy B. *Magiya, nauka i religiya* [Magic, Science, and Religion]. Moscow, 1998.
11. Zelenin D.K. *Vostochnoslavlyanskaya etnografiya* [East Slavic Ethnography]. Moscow, 1991.

Mazalova Nataliya Evgenyevna

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography,
Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

“THE KNOWLEDGEABLE” OF KENOZERO: MAGIC POWER AND SACRED KNOWLEDGE

In spite of the fact that Russian ritual experts (“the knowledgeable”) and their magic activity have long been an object of various studies, this research requires further development in the context of current trends both in Russian and world science.

This paper studied folk ideas about “the knowledgeable”, their magic power and sacred knowledge in the local ethnocultural tradition of Kenozero using the field data obtained by the author in 1991.

The following methods were used: the structural-semantic one, which helps to find the ethnographic substratum of mythological ideas, and the comparative method, allowing us to determine the place of Kenozero local tradition within the Russian one. The author studied traditional ideas of Kenozero

ИСТОРИЯ

population and compared them with beliefs prevailing on the rest of the Russian territory. Further in this paper ritual experts were differentiated.

The author distinguishes between the concepts of *magic power* and *secret knowledge*. The magic power of a wizard is concentrated in his helpers. The “secret” knowledge is first of all the knowledge of spells and magical actions, but for wizards it also includes the ability to control his helpers. Spells, that all ritual experts know, also have magic power. Possessing magic power and sacred knowledge, “the knowledgeable” played an important social role: they held contact with the natural world. Kenozero tradition is unique due to the fact that in addition to demons wizards had woodland and water spirits as their helpers. The author believes that when differentiating ritual experts one should take into account the localization of his helper – whether it is the world of people or the natural world.

Having studied traditional beliefs about “the knowledgeable” in Kenozero, the author was able to reveal specific mythological ideas typical of this local ethnocultural tradition and found it rather archaic.

Keywords: *ritual expert, wizard, sorcerer, healer, magic power, sacred knowledge.*

Контактная информация:

адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3;

e-mail: mazalova.nataliya@mail.ru

Рецензент – *Теребихин Н.М.*, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и религиоведения института социально-гуманитарных и политических наук, директор Центра сравнительного религиоведения и семиотики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова